

ОБАЯНИЕ ТАЙНЫ
ПРОЗА АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ

Артуро Перес Реверте

КОРСАРЫ
ЛЕВАНТА

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Исп)
П 27

Arturo Pérez-Reverte
CORSARIOS DE LEVANTE

Copyright © 2011 by Arturo Pérez-Reverte
© Photo Victoria Iglesias

Перевод с испанского *Александра Богдановского*
Художественное оформление *Андрея Саукова*

Перес-Реверте, Артуро.

П 27 Корсары Леванта / Артуро Перес-Реверте ;
[пер. с исп. А. С. Богдановского]. — Москва : Экс-
мо, 2014. — 416 с. — (Обаяние тайны. Проза Арту-
ро Переса-Реверте).

ISBN 978-5-699-76596-6

Паруса раздуваются и каменеют на ветру, волны яростно хлещут по бортам, но гребцам не уйти от погони. Пушки корсаров вот-вот разнесут в щепки торговое судно, а дальше – дело за отточенными лезвиями их клинков. У корсаров Леванта свой закон, и им не указ ни мольба о пощаде, ни церковь, ни сама испанская корона. Кто рискнет бросить им вызов? Только равный по силе, хитрости и жестокости авантюрист.

Наемному солдату Диего Алатристе предстоит опасное путешествие из Неаполя к самым отдаленным форпостам Испанской империи – Марокко, Алжиру и Мальте. Он поднимется на борт галеры, чтобы освободить Средиземное море для испанской торговли и свести давние счета с врагами.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Исп)

ISBN 978-5-699-76596-6

© Богдановский А., перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

*Посвящается
Хуану Эславе Галану и Фито Косару –
в память Неаполя, где мы не познакомились,
и добычи, не нами награбленной.*

I. БЕРБЕРИЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Подобная травля — всегда дело долгое, но эта, телом Христовым клянусь, слишком уж затянулась, никак не способствуя умиротворению духа: весь вчерашний вечер, всю лунную ночь напролет и целое утро сегодня мчались мы, норовя ухватить добычу за хвост, по беспокойному морю, хлеставшему наотмашь тяжкими оплеухами волн, так что содрогался хрупкий костяк нашей галеры. Ветер до каменной твердости натянул оба паруса, гребцы-каторжане налегали на весла, моряки и наша сухопутная братия уворачивались, как могли, от пенных брызг, а 48-весельная «Мулатка», пролетев почти тридцать лиг ¹ вдогонку за пиратским кораблем, наконец подошла к нему на выстрел, подав нам надежду во благовремение турка все-таки взять — если, конечно, выдержит мачта, на которую люди опытные поглядывали с опаской.

¹ Л и г а — мера длины, равная 5572,7 м. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

— Ну-ка, поскреби-ка ему задницу, — приказал капитан дон Мануэль Урдемалас с мостика на юте, откуда не отлучался, похоже, последние двадцать часов.

Первый орудийный выстрел близким недолетом взметнул фонтан воды у пирата за кормой. Наши канониры и все, кто был на носу, рядом с пушкой, вскричали «ура», увидав добычу в пределах досягаемости. Теперь надо уж очень постараться, чтобы упустить ее, мало того что у себя из-под носа, так еще и с наветренного борта.

— Зарифляют! — крикнул кто-то.

И в самом деле, с единственной мачты уже полз вниз и бился на ветру огромный треугольник паруса. Качаясь на крупной зыби, неприятель показал нам левый бок. И впервые мы смогли рассмотреть берберский корабль во всех подробностях — это была *галеота*, средняя галера с тринадцатью гребными скамьями, узкая, длинная и, по нашим прикидкам, способная взять на борт человек до ста. Из тех шустрых и поворотливых парусников, к которым, как башмак по мерке к ноге, подходили строчки Сервантеса, предусмотрительно рекомендовавшего:

Богат достоинствами вор, но
Их все к единому сведу:
Вор должен действовать проворно —
Подметки резать на ходу.

До сей поры он сначала был всего лишь одиноким парусом, белевшим там и сям на морском просторе, потом опознался как пират, нагло подбравшийся к каравану торговых судов, которые под присмотром «Мулатки» и трех других испанских галер шли из Картахены в Оран. Потом, когда мы на всех парусах погнались за ним, он мало-помалу, по мере того как шло преследование и сокращалась разделявшая нас дистанция, вырастал в размерах. И вот предстал наконец в непосредственной близости и во всей красе.

— Сдаются, собаки, — сказал какой-то солдат.

Капитан Алатристе стоял рядом со мной и смотрел на пирата. Парус был уже убран, и поверхность воды вспороли лопасти весел.

— Да нет... — пробормотал он. — Драться собрались.

Я обернулся к нему. Из-под широкого поля старой шляпы на меня взглянули сощуренные от блеска воды светло-зеленые глаза, ставшие, казалось, совсем прозрачными. Четырехдневная щетина на лице, посеревшем, засалившемся, как у всех нас, от грязи и недосыпа. Внимательный взгляд старого солдата, неотрывно следящий за тем, что происходит на галеоте, где меж тем несколько человек пробежали по палубе на нос и весла левого борта затабанили, разворачивая парусник.

— Желают судьбу попытать, — безразлично добавил Алатристе.

И пальцем показал туда, где вился на верхушке мачты вымпел, указывающий направление ветра. Я все понял. Пират, осознав, что бегство невозможно, а сдаваться не желая, пытался на веслах выйти из ветра. У галер и галеот на носу было по одной большой пушке, а по бортам стояли камнеметы небольшой дальности. Пираты, хоть и уступали нам вооружением и численностью, решили, наверно, сыграть ва-банк, ибо удачный выстрел бакового орудия мог свалить фок-мачту или перекрошить немало народу на палубе. И, несмотря на неблагоприятный ветер, они сумели на одних веслах завершить маневр.

— Паруса долой! Весла на валец!

Судя по этим приказам, сухим и отрывистым, как выстрелы из аркебузы, разгадал намерение корсаров и наш капитан. И обе реи, державшие паруса, были поспешно спущены, а на помост гребной палубы, именуемый *күршея*, вспрыгнул с бичом в руке надсмотрщик-комит, и по его знаку голые до пояса гребцы заняли свои места на скамьях по обоим бортам — четверо на каждую — и под свист бича, вышивавшего у них на спинах разнообразные узоры цвета мака, разом опустили в воду сорок восемь весел.

— Господа солдаты! По местам стоять! К бою!

Раскатилась барабанная дробь боевой тревоги, и господа солдаты, то есть мы, грешные, непотребными словами поминая, как спокон веку ведется у испанской пехоты, Господа Бога, непорочно зачавшую Мать Его и святых угодников, что, впрочем, не мешало многим бормотать сквозь зубы слова молитвы, прикладываясь к ладанкам-образкам и осенять себя раз по пятьсот крестным знаменiem, принялись для убережения от неприятельских пуль прикрывать борта скатанными одеялами и тюфяками, разбирать принадлежности своего смертоубийственного ремесла, заряжать мушкеты, аркебузы, камнеметы, занимать места на полубаке и в галерейках, тянувшихся вдоль обоих бортов над гребной палубой, где каторжане усердно и в лад ворочали веслами, покуда комит — свистком и помощник его — голосом задавали их работе должную кадансу, продолжая в свое удовольствие охаживать бичами согнутые спины. От форштевня до кормы задымились фитили. Мне по относительно моему малолетству было пока не под силу управляться не то что с тяжеленным мушкетом, а и с аркебузой, тем паче что стрелять приходилось без подсошников да вдобавок на качающейся палубе, так что, если не удержишь прижатый к щеке приклад, отдача может вывихнуть плечо или выбить передние зубы. И потому, туго стянув на голове косынку, я подхватил копьцо свое

и саблю — короткую и широкую, потому как длинным клинком на тесной и узкой палубе орудовать несподручно, — и последовал за своим хозяином, отношения с которым, хоть он давно мне был никакой не хозяин, не претерпели особенных изменений. Поскольку он принадлежал к числу самых испытанных и надежных бойцов, место его по боевому расписанию было у шлюпочного трапа — там же, где при Лепанто¹ на галере «Маркиза» стоял блаженной памяти дон Мигель де Сервантес. Жизнь, надо ей отдать должное, гораздо плести такие не очень-то забавные арабески. Капитан окинул меня рассеянным взглядом и улыбнулся одними глазами, по обыкновению пригладив пальцами усы.

— Это уже пятый у тебя абордаж, — промолвил он.

И принялся дуть на тлеющий фитиль своей аркебузы. Алатристе говорил, как и всегда, безразлично, однако я знал, что он за меня тревожится. Хоть мне и стукнуло недавно семнадцать лет — а может быть, как раз поэтому. Абордажный бой — дело такое: в нем сам Господь, вопреки поговорке, не отличит своих от чужих.

¹ В морском сражении при Лепанто (7 октября 1571 г.), где соединенный испано-венецианский флот разбил турецкую эскадру, Сервантес был ранен в грудь и левую руку, оставшуюся парализованной «к вящей славе правой».

— Прежде меня к ним на борт не лезь... Понял?

Я открыл было рот, намереваясь возразить. Но в этот миг с берберийца грохнул первый орудийный выстрел, и по палубе пронеслись острые, как кинжалы, осколки.

...Долог был путь, приведший нас с капитаном Алатристе на палубу этой галеры, которая в майский полдень тысяча шестьсот двадцать седьмого года — сужу по давним своим записям, сохранившимся среди пожелтелых листков послужного списка, — сцепилась с пиратской галеотой в нескольких милях к югу от побережья Северной Африки, на траверзе, как говорят моряки, острова Альборан. После прискорбно-достопамятного приключения с кавалером в желтом колете, когда наше юное католическое величество чудом не пало жертвой заговора, устроенного инквизитором Эмилио Боканегрой, а хозяин мой, дерзнувший соперничать в любовных шашнях с вышеупомянутым Филиппом Четвертым и по этой причине оказавшийся поистине на волосок от знакомства с палачом, сумел благодаря своей шпаге и, без ложной скромности скажу — вмешательству шпаги моей, а равно и комедианта Рафаэля де Косара, сохранить не только собственные жизнь и честь, но и отвести от августейшей глотки цареубийственные клинки на сомнительной охоте в окрестностях Эскориала. Венценосные особы — все как на под-

бор неблагодарны и забывчивы, и потому-то мы с капитаном подвигами своими не снискали себе ни малейшего преуспевания. Прибавьте ко всему этому еще и такое немаловажное обстоятельство, что вышепомянутые шашни капитана с актрисой Марией де Кастро привели к обмену резкими словами, а затем и ударами шпаги с конфидентом и фаворитом нашего государя графом де Гуадальмединой, поплатившимся за это сперва проколотой рукой, а затем и разбитым лицом, отчего давняя приязнь, питаемая графом к Алатристе еще со времен итальянских походов и фламандских кампаний, сменилась лютой ненавистью. Полученное в Эскориале помогло нам свести дебет с кредитом, и, проевши ровнешенько столько, сколько заработали, то бишь оставшись при своих, вышли мы из этой переделки хоть и без единого медяка в кармане, но зато — донельзя довольные тем, что не угодили в каталажку и не получили в свое законное и безраздельное пользование семь футов земли в безымянной могиле. Альгвазилы лейтенанта Мартина Салданьи, управлявшегося от тяжелой раны, которую нанес ему опять же Диего Алатристе, оставили нас в покое, так что капитан счастливо избежал хвори, причиняемой намыленной пенькой, и не свесил свои солдатские усы на плечо. Всем прочим лицам, вовлеченным в это дело, повезло меньше, и на них с соблю-

дением должной секретности обрушилась вся тяжесть монаршего гнева: падре Эмилио Бока-негра, раз уж его репутация праведника и мужа святой жизни требовала соблюдения известных приличий, наглухо заперли в приюте для умалишенных, а остальных участников заговора втихомолку удавили в тюрьме. О том, какая участь постигла итальянского наемника Гвальтерио Малатесту, нашего с капитаном старинного и личного врага, достоверных сведений не имелось: ходили слухи о жестоких пытках, коим перед казнью подвергли его в узилище, однако на-верное никто ничего не знал. Что же касается королевского секретаря Луиса де Алькесара, то, хоть его вину доказать и не удалось, высокое положение при дворе и влиятельные заступники в Совете Арагона помогли ему сохранить всего лишь шкуру, но не должность: последовал стремительный, как молния, и столь же испепеляющий указ — и он отправился в заморские владения короны, в Новую Испанию. Как вы сами понимаете, господа, судьба этой сомнительной личности была мне далеко не безразлична, ибо корабль увозил в Индии не только дона Луиса, но и его племянницу — любовь всей моей жизни Анхелику де Алькесар.

Обо всем этом я предполагаю более подробно рассказать в дальнейшем. Сейчас же ограничусь тем, что уже поведал, прибавив лишь, что